

Карачаево-балкарская топонимия как средство кумуляции и хранения этнокультурной информации

Светлана К. Башиева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Улданай М. Бахтикиреева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматриваются карачаево-балкарские топонимы, содержащие этнокультурную информацию. Наиболее ярко выраженным этнокультурным содержанием обладают группы топонимов, в основе создания которых лежат ассоциативные связи с религиозной жизнью, историческими событиями, межэтническими контактами, духовной культурой, с природными богатствами и т. д. Материалом для исследования послужили 123 номинации географических объектов, зафиксированных в разных изданиях.

Топонимы рассмотрены по видам этнокультурной информации, вербализованной в номинациях географических объектов, распределенных по группам. Первая группа свидетельствует о том, что до принятия карачаевцами и балкарцами ислама их верования представляли собой смесь элементов средневекового христианства с первобытными религиозными представлениями и обрядами. Языческие верования карачаевцев и балкарцев связаны в первую очередь с тенгрианством (тенгризмом), сыгравшим огромную роль в формировании древнетюркской культуры.

Вторая группа отображает исторические события, которые происходили в Карачаево-Балкарии. Третья группа показывает межэтнические контакты в регионе, которые были обусловлены трудовой миграцией, торговыми контактами и смешанными браками.

Ключевые слова: топоним; карачаево-балкарский язык; тюркский язык; этнокультурная информация; тенгрианство

Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования:

Башиева С. К., Бахтикиреева У. М. Карачаево-балкарская топонимия как средство кумуляции и хранения этнокультурной информации // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 280-289. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.16>

Башиева Светлана Конакбиевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: bfo-pdo@mail.ru

Бахтикиреева Улданай Максумовна — доктор филологических наук, профессор, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова; профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка Российского университета дружбы народов. Адреса: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

Karachay-Balkarian toponymy as a means of accumulation and storage of ethnocultural information

Svetlana K. Bashieva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation,

Uldanai M. Bakhtikireeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, RUDN University, Russian Federation

The article examines Karachay-Balkar toponyms that contain ethnocultural information. The groups of toponyms based on associative connections with religious life, historical events, interethnic contacts, spiritual culture, natural resources, and similar factors possess the most distinct ethnocultural content. The research is based on 123 geographical object names recorded in various publications.

The toponyms are analyzed according to the types of ethnocultural information verbalized in the geographical names, which are categorized into groups. The first group demonstrates that, prior to the adoption of Islam by the Karachays and Balkars, their beliefs constituted a mixture of elements of medieval Christianity with primitive religious notions and rituals. The pagan beliefs of the Karachays and Balkars are primarily associated with Tengrism, which played a significant role in shaping ancient Turkic culture.

The second group reflects historical events that took place in Karachay-Balkaria. The third group illustrates interethnic contacts in the region, which were shaped by labor migration, trade relations, and mixed marriages.

Keywords: toponym; Karachay-Balkar language; Turkic language; ethnocultural information; Tengrism

Financing

The study was conducted with the financial support of an Internal grant from the Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov within "Priority 2030" program (agreement no. 43).

For citation:

Bashieva S. K. and Bakhtikireeva U. M. Karachay-Balkarian toponymy as a means of accumulation and storage of ethnocultural information. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 280-289. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.16>

Bashieva, Svetlana Konakbievna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: bfo-pdo@mail.ru

Bakhtikireeva, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov; Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 10A Miklukho-Maklaya St., 117198, Russia, Moscow. E-mail: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

Введение

Как известно, топонимия является одним из ключевых способов кумуляции и хранения большого объема этнокультурного знания, отражающего особенности миропонимания и мировосприятия народа. Изучение ее важно для выяснения и описания специфики вербального моделирования объективной и субъективной реальности, истории возникновения номинаций географических объектов, расположенных в ареале жизнедеятельности этнического коллектива.

Топонимия карачаево-балкарского языка — карачаево-балкарского народа, проживающего в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республиках Российской Федерации — исследована в нескольких работах. В них описаны структурно-семантические, лексико-тематические разряды, деривационные, морфологические особенности, осуществлена стратиграфическая классификация географических номинаций (Мусукаев, 1981, 2007, и др.; Хабишев 1982, и др.¹).

Несмотря на это, топонимическая система остается одной из малоисследованных областей карачаево-балкарского языка, особенно если говорить о ней как о части лингвокультуры. Топоним может трактоваться «не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания» (Корнева, 2016: 150), что предопределяет необходимость исследования его с точки зрения всевозможных подходов в рамках современного гуманитарного знания.

С этих позиций карачаево-балкарская топонимия может рассматриваться как культурно значимая совокупность номинаций, сложившихся на протяжении многих веков. В ней сохранились сведения не только о ландшафтных особенностях, но и о процессах, происходивших в жизнедеятельности этноса в ходе длительного исторического развития. По происхождению она имеет неоднородный характер, но доминантный в ней слой, безусловно, общетюркский. Гетерогенность данного пласта объясняется тем, что Северный Кавказ является полиэтническим регионом, топонимический «портрет» которого сформировался в результате взаимодействия многочисленных этносов, поэтому он отражает результаты как объективного, так и субъективного восприятия когнитивного, социального опыта освоения территории, культурные предпочтения и т. д. Его научное осмысление в значительной степени возможно в контексте экстралингвистических факторов, прежде всего таких, как история, материальная, духовная культура. Примером углубленных исследований топонимии можно назвать публикации по тувинской топонимике, в которых выявлены связи топонимов с религиозными верованиями местного населения (Сувандии, 2024), особенностями цветового восприятия тувинцев (Сувандии, 2019).

Эти обстоятельства обуславливают актуальность темы нашей работы.

Цель статьи — рассмотрение карачаево-балкарских топонимов, содержащих этнокультурную информацию. Наиболее ярко выраженным этнокультурным содержанием обладают группы топонимов, в основе создания которых лежат ассоциативные связи с религиозной жизнью, историческими событиями, межэтническими контактами, духовной культурой, с природными богатствами и т. д. Соответственно задачами исследования являются выборка и анализ топонимов по видам этнокультурной информации, вербализованной в номинациях географических объектов, распределенных по следующим группам: 1) религиозные топонимы, 2) исторические топонимы, 3) полиэтнические топонимы.

Материалом для исследования послужили 123 номинации географических объектов, зафиксированных преимущественно в словарях², а также в научно-популярном издании «Географические названия Карачая и Балкарии»³. При отборе топонимов было принято во внимание наличие в их значениях этнокультурной коннотации, актуализирующей различные фрагменты карачаево-балкарской картины мира. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно охватить все топонимические единицы, поэтому основное внимание обращено на наименования, в которых сохранились представления о религиозно-мифологических воззрениях, информация о межэтнических контактах, исторических событиях.

¹ Чочаева Х. И. Структура и семантика микропонимов Черекского района Кабардино-Балкарской Республики: автореф. дис. ... канд. филол. н. Нальчик, 2010.

² Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969; Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970.

³ Хапаев С. А. Географические названия Карачая и Балкарии. М.: ОО «КосмоПолиграф», 2013.

Методологической основой работы явился принцип рассмотрения номинаций географических объектов с учетом их связи с территориальными, культурными, историческими, социально-экономическими особенностями жизнедеятельности этноса и т. д. В статье использованы метод сплошной выборки, описательный метод.

Новизна исследования состоит в рассмотрении в комплексе карачаево-балкарского языкового материала, репрезентирующего важную этнокультурную информацию, сохранившуюся в топонимах, на моделирование которых повлияли такие факторы, как смена религиозных традиций (языческая, христианская, мусульманская), исторические события, межэтнические контакты.

Религиозные топонимы

В этнической культуре карачаевцев и балкарцев тесно переплетены мировоззренческие установки, основанные на вере в сверхъестественные силы.

М. Ч. Джуртубаев отмечает, что

«предки балкарцев и карачаевцев (алано-болгары) исповедовали особую разновидность общетюркской религии — тенгрианство вплоть до X века, когда Алания восприняла христианство, проповедь которого шла из Византии. В результате монгольского нашествия в XIII веке и нашествия полчищ Тамерлана в конце XIV века Алания была стерта с карты Кавказа. Остатки населения, укрывшиеся в горах и лесах, долго сохраняли элементы слабо еще усвоенного христианства, как о том свидетельствуют записи русских и иностранных путешественников...» (Джуртубаев, 1997: 189–190).

То есть мы знаем, что основанием для формирования одного из древних культурно значимых пластов карачаево-балкарской топонимии стали три религиозные картины мира: языческая, христианская, исламская.

По мнению В. М. Батчаева, к началу XVIII в. в регионе превалировал «традиционный» языческо-христианский синкретизм, а далее началось господство ислама (Батчаев, 2006: 163–180). Сосуществование до принятия ислама в ритуальной жизни языческих и христианских традиций в Карачае и Балкарии М. Ч. Джуртубаев объясняет тем, что «христианство не успело пустить прочных корней..., а прекращение связей с Византией и вовсе привело к возвращению населения к прежней, языческой религии предков — тенгрианству» (Джуртубаев, 1997: 26).

Языческие верования карачаевцев и балкарцев связаны в первую очередь с тенгрианством (тенгризмом), сыгравшим огромную роль в формировании древнетюркской культуры, поэтому особый интерес для нас представляют топонимы с этнокультурным компонентом *Тейри* — именем верховного божества языческого пантеона тюрков, который присутствует в других тюркских языках: азербайджанском — *Тенгри/Тейри*; алтайском — *Тенри/Тенгри*; башкирском и татарском — *Тәңре*, казахском — *Тәңір*; киргизском — *Теңир*, кумыкском — *Тэнгири*; турецком — *Танри*, чувашском — *Тура*; якутском — *Тангара*.

Как отмечается в работах по этногенезу балкарцев и карачаевцев, «Тейри — это владыка и повелитель богов, он руководил ходом всей жизни, давал счастье, посылал беды, обеспечивал богатые урожаи и хороший приплод скота, от него шли все невзгоды и наказания и т. п.»¹ Это понимание Тейри отражено в карачаево-балкарской мифологии: «Дунияны, жер-сууну, жулдузланы, малланы, адамны да Тейри жаратханды. Битеу дуния аны оноунда, кьолундадыла»² — «Мир, землю, воду, звезды, животных, людей создал Тейри. Весь мир под его руководством, в его руках»³.

В топонимии зафиксированы следующие номинации с компонентом Тейри:

- *Тейри тау* 'гора Тенгри' (одно из названий Эльбруса),
- *Тейри шаудан* 'родник Тейри' (родник в Чегемском ущелье),
- *Тейри тьюбю* 'низовье Тенгри' (местность в Черекском ущелье). Как утверждает С. А. Хапаев, в Тейри тьюбю «совершались жертвоприношения» (Хапаев, 2013: 343).

¹ История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: в 3 т. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Т. 1. С. 289.

² Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эль-Фа, 2007. С. 457.

³ Перевод С. К. Башиевой.

Т. М. Хаджиева, исследователь эпоса «Нарты», отмечает: «Согласно карачаево-балкарским нартским песням и сказаниям, сотворение мира и нартов связано с деятельностью богов — Тейри (Тенгри) Неба, Тейри Солнца и Тейри Земли» (Хаджиева, 2017: 233). Поэтому уместно обратить внимание и на древние топонимы со следующими компонентами:

1) *нарт* 'герой-богатырь', восходящий к героическому эпосу карачаевцев и балкарцев:

- *Нартуя/Нарт уя* 'гнездовые нартов' (река ниже с. Хасанья),
- *Нарт жиякь* 'сторона нартов' (местность выше с. Верхний Чегем в Чегемском ущелье),
- *Нарт орман* 'лес нартов' (местность в Черекском районе),
- *Нарт кьонакь шаудан* 'родник нартского гостя' (родник в Чегемском ущелье),
- *Нарт кёл* 'озеро нартов' (озеро в Хуламо-Безенгиевском ущелье),

2) а также *Ёрюзмек* 'герой Нартского эпоса':

- *Ёрюзмек тёбе* 'курган Ёрюзмека' (курган недалеко от Ачкерил кьол в Баксанском ущелье)

3) и *эмеген* 'чудовище':

- *Эмеген кёл* 'озеро эмегена' (озеро в районе местности Арт зыгыр).

В топонимах отражены имена и других языческих богов:

- *Аймуш* 'покровитель овец и чабанов': *Аймушну эшик аллы* 'перед дверью Аймуша' (пещера по р. Худес),

- *Апсаты* 'покровитель охотников и диких зверей': *Апсаты таиш* 'камень Апсаты' (местность в начале Дуутского ущелья),

- *Кемисхан* 'покровительница озер': *Кемисханны аякь-таякь ызлары* 'следы ног и посоха Кемисхана' (местность в окрестностях озера Хурла),

- *Тотур* 'покровитель волков': *Тотур* (урочище и селище на р. Чипи в Холамо-Безенгиевском ущелье), *Тотур ауузу* 'ущелье Тотура' (местность на левом берегу р. Булунгу Чегемского района), *Тотур тала* 'поляна Тотура' (поляна на левом берегу р. Ак-суу), *Тотур тюзю* 'равнина Тотура' (местность на севере аула Хурзук).

По мнению Л. И. Лаврова, «и пережитки культа Тейри, и специфические особенности народных мелодий указывают на то, что первоначальное ядро карачаево-балкарского народа попало сюда из тюркско-азиатского мира» (Лавров, 1969: 90).

В топонимах прослеживается и христианский след:

- *Никола/Николла баши* 'холм святого Николая' (холм в Хуламо-Безенгиевском ущелье),

- *Байрым* 'святая Мария' (местность у устья р. Шыкы в Хуламо-Безенгиевском ущелье, *Байрым тюз* 'равнина святой Марии' (местность недалеко от селища Джазлык),

- *Шовгенбаш* 'холм священника' (местность в Чегемском ущелье),

- *Бабас сабан* 'пашня попа' (местность между селами Булунгу и Эль-Тюбю),

- *Монахла туруучу* 'стоянка монахов' (местность в Черекском ущелье) и др.

Исследователь истории Балкарии Е. Г. Битова утверждает, что «эволюция религиозной системы балкарцев связана не столько с эволюцией их общественного строя, сколько с экзогенными факторами — со спорадическим распространением христианства на Центральном Кавказе сначала византийцами, а позднее грузинскими миссионерами» (Битова, 2005: 66).

Л. И. Лавров отмечает, что существование христианства

«в Карачае и Балкарии доказывается не только следами почитания в старину "святых" Федора (Тотур), Ильи (Элиа), Георгия (Герге), Николая, Параскевы (Барас), девы Марии (Байрым), но и вещественными памятниками. Сюда принадлежат изображение крестов, развалины церквей, христианских могил и предметы церковного обихода. Христианские церкви существовали в балкарских селениях: Верхней Балкарии, Шканти, Хуламе, Зилги, Курнойте, Бызынги, Джабоеве, Советском (б. Кашхатау), Верхнем Чегеме, Былыми и, кажется, у Нижнего Чегема...» (Лавров, 1968: 131).

В подтверждение можно привести также топонимы с компонентами *жор* 'крест', *кьач* 'крест':

- *Жора* (селище в Чегемском ущелье),

- *Бий къачы* ‘крест князя’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Къач арты* ‘за крестом’ (местность в Хуламо-Безенгиевском ущелье),
- *Къач баши* ‘над крестом’ (местность недалеко от с. Хурзук),
- *Акъ къач* ‘белый крест’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Абай къачы* ‘крест Абая’ (местность недалеко от села Верхняя Балкария).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что лексемы *жор* ‘крест’, *къач* ‘крест’ имели в прошлом сакральный смысл. В современном карачаево-балкарском языке слово *къач* используется в значениях ‘честь’, ‘святость’, а его первоначальный смысл сохранился в проклятии «*Сени мени къачым урсун!*» ‘Пусть тебя накажет мой крест!’

Как утверждает Л. И. Лавров,

«проникновение ислама к карачаевцам и балкарцам началось, видимо, еще до XVIII в., но коснулось оно сперва только феодалов. Уже в 1651 г. некоторые из них носили мусульманские имена. Наиболее ранний мусульманский памятник в Балкарии имеет дату 1734–1735 гг. (Лавров, 1969: 150).

Процесс исламизации отразился в топонимах с этнокультурными компонентами:

- *азан* — в арабском языке ‘объявление, приглашение’, в исламе ‘призыв к намазу, молитве’: *Азан сырты* ‘холм, где призывают к молитве’ (местность недалеко от урочища Тамакъя),
- *эфенди* ‘богослужитель у мусульман’: *Эфендини жолу* ‘дорога эфенди’ (дорога в Малкинском ущелье),
- *хаджи* ‘мусульманин, совершивший паломничество в Мекку’: *Хаджиле букъгъан къулакъ* ‘балка, в которой прятались хаджи’ (балка на правом берегу р. Схауат),
- *межгит* ‘мечеть’: *Межгит дорбун* ‘мечеть-пещера’ (местность в Тызыльском ущелье Эльбурского района),
- *намаз* ‘ритуальная молитва в исламе’: *Намазлыкъ-таш* ‘молитвенный камень’ (местность в Чегемском районе).

Рассмотренный топонимический материал подтверждает мнение Л. И. Лаврова о том, что «до принятия карачаевцами и балкарцами ислама их верования представляли собой причудливую смесь элементов средневекового христианства с первобытными религиозными представлениями и обрядами» (Лавров, 1969: 135).

Исторические топонимы

Некоторые карачаево-балкарские топонимы являются результатом репрезентации географических объектов с опорой на исторические события, то есть объективируют историческое знание. В частности можно привести номинации, связанные с нашествием в конце XIV в. на Северный Кавказ Хромого Темира (Тимура, Темирлана), среднеазиатского тюркского полководца и завоевателя (большинство из них представлено в Чегемском ущелье Балкарии):

- *Темир-асхакъ* ‘возвышенность хромого Тимура’ (возвышенность на левом берегу р. Лаба),
- *Темир-асхакъ айры* ‘седловина хромого Тимура’ (урочище в верховье р. Уруп),
- *Акъсакъ Темир бодуркъусу* ‘чучело (пугало) хромого Тимура’ (местность между Чегемским и Хуламо-Безенгиевским ущельями),
- *Акъсакъ Темир ызлары* ‘следы хромого Тимура’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акъсакъ Темирни аскерини тьюрю* ‘ставка войска хромого Темирни’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акъсакъ Темирни атлы кшоу* ‘конюшня хромого Тимура’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Темир Акъсакъ дуптурла* ‘холмы хромого Тимура’ (местность недалеко от с. Важное Усть-Джегутинского района),
- *Акъсакъ Темирни кёчюу* ‘брод хромого Тимура’ (местность в Чегемском ущелье),
- *Акъсакъ Темирни къанлы ташлары* ‘кровавые камни хромого Тимура’ (местность в Чегемском ущелье),

- *Акьсакъ Темирни кьошу* 'стоянка хромого Темира' (местность в Чегемском ущелье),
- *Акьсакъ Темирни мурдар агъачы* 'лес-убийца хромого Темира' (местность в Чегемском ущелье).

Топонимы с собственным именем Темир нашли отражение в карачаево-балкарском песенном фольклоре. Х. Х. Малкондуев отмечает интересные сведения, сохранившиеся в исторической памяти этноса:

«Между Хуламом и Ак-Су на равнине Жайлык, выше ложбины Шау-Хуна в местности Баш-Тыкыр находится груда аккуратно сложенных небольших камней, которую местные жители называли Акьсакъ-Темирни-Турусу — местом Стоянки Аксак Темира. Согласно преданиям, каждый оставшийся в живых его воин в этой местности бросал камень, и количество их составило несколько сотен» (Малкондуев, 2015: 49).

Другой исторический пласт в карачаево-балкарской топонимии отразил походы крымских татар в XVI–XVIII вв. «на Северный Кавказ как самостоятельно, так и по приглашению местных князей в качестве арбитров в ходе феодальных междоусобиц» (Карачаевцы. Балкарцы, 2014: 41).

К нему можно отнести топонимы:

- *Бий ёлген дорбун* 'пещера, в которой погиб князь' (пещера в Малкинском ущелье): согласно преданию, в этом месте погиб предводитель крымских татар, совершивших набег,
- *Къанжол* 'кровавая дорога' — место, где в XVIII в. были разгромлены крымские татары (гора на правом берегу р. Малка),
- *Тоноу юлешген тёбе* 'холм раздела добычи' (место, где горцы делили между собой трофеи после победы над войсками крымского хана (холм недалеко от горы Къанжол).

В нескольких топонимах этнокультурными компонентами являются собственные имена, репрезентирующие статусное положение владельцев географических объектов в дореволюционный период.

Например:

- *Абай къала* 'крепость Абаевых', *Абайланы тала* 'поляна Абаевых', *Абайланы бау орун* 'загон Абаевых', *Абай тюзю биченлик* 'сенокосная поляна Абаевых' (в Черекском районе),
- *Амырхан къала* 'башня Амирхановых' (в Черекском районе),
- *Жаболаны къала* 'башня Жабоевых' (в Черекском районе),
- *Малкъарукланы къала* 'Малкаруковых башня' (в Чегемском районе) и др.

Номинации *Абай къала*, *Амырхан къала*, *Жаболаны къала*, *Малкъарукланы къала* с компонентом *къала* «замок, дворец, крепость хана, бия, царя»¹, «крепость, укрепленное место, замок, город» (Мурзаев Э., Мурзаев В., 1959: 95) номинируют родовые сторожевые башни влиятельных балкарских родов. Данная лексема в современном карачаево-балкарском языке является маркером древности материальной культуры балкарского народа (XII–XV в).

Полиэтнические топонимы

В топонимии сохранились следы и межэтнических контактов, так как Кавказ был зоной постоянного взаимодействия родственных и неродственных народов.

К. Г. Азаматов и Х. И. Хутуев пишут, что «несмотря на натуральный характер своего хозяйства, балкарцы часть своих изделий вывозили на рынок. Они с давних времен поддерживали торгово-экономические связи с Кабардой, Осетией, Закавказьем» (Азаматов, Хутуев, 1980: 30). Это нашло отражение в следующих топонимах с этнонимическими компонентами:

- *Дюгер ыфчыгы* 'дигорский перевал' (перевал в Черекском районе),
- *Тегей тюз* 'осетинская равнина' (старое название с. Коста Хетагурова на левом берегу Кубани),
- *Дюгерлиле жыргъан къол* 'лощина, прорытая осетинами' (балка в Черекском ущелье),
- *Орус ыфчыкъ* 'перевал русского' (перевал в Черекском районе),
- *Орус тюзген къол* 'балка, по которой спустился русский' (балка в Баксанском ущелье),

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Карачаево-балкарский толковый словарь] / отв. ред. Ж. М. Гужеев. Нальчик: ЭЛЬ-ФА. Ючтомлукъ, 2002. Т. II. 3–Р. С. 509.

- *Ногъай аууш* ‘перевал ногойца’ (перевал в верховье р. Гондарай),
- *Эбизеле аууш* ‘перевал сванов’ (перевал в Черекском районе),
- *Эбизеле къонуучу жер* ‘стоянка сванов’ (местность в Черекском районе),
- *Хазар бызгъы аллы* ‘линия хазар’ (местность в бассейне р. Большой Чамлык),
- *Черкес чат* ‘черкесская балка’ (местность в верховье р. Архыз),
- *Черкес сырт* ‘черкесская возвышенность’ (местность в верховье р. Малка),
- *Гюржю тау* ‘грузинская гора’ (одна из номинаций горы Казбек) и др.

Все эти топонимы представляют собой богатый эмпирический материал для реконструкции и изучения историко-культурного опыта карачаево-балкарского народа. Известный историк И. Мизиев обращает внимание исследователей и на топонимы с компонентом *ас* «Ас-кала» (Крепость асов), «Ассиа-кам», в частности он пишет, что «в этих топонимах без труда видно имя древнетюркского племени “ас”, известного как в Орхано-Енисейских надписях, так и на Северном Кавказе в VII в. Этноним “ас” до сих пор сохранился и бытует как родоплеменное имя у алтайцев, киргизов, ногойцев, каракалпаков, казахов»¹.

В отдельную группу мы выделили географические названия, содержащие:

1) осетинские (далее — осет.) лексические элементы: урочище *Дудардон* (осет. *Дон* ‘река’); село *Къоспарты* (осет. ‘обряд сбора приношений богу при стихийных бедствиях’), гора *Галдор* ‘бычий камень’ (осет. *гал* ‘бык’, *дор* ‘камень’), *Гинах* (осет. ‘крепость’), *Фардык* (осет. ‘бусина’). В предисловии к «Балкарскому топонимическому словарю» авторы отмечают, что они зафиксировали семьдесят «названий, объясняемых средствами осетинского языка полностью или частично» (Коков, Шахмурзаев, 1970: 5).

На наличие в Балкарии топонимов осетинского происхождения указывал известный русский этнограф, фольклорист В. Ф. Миллер (1848–1913). В частности он акцентировал внимание на номинациях рек, родников, перевалов, скал и т. д., в которых содержится

«осетинское слово *дон* (река, вода) в виде *дан* — Кара-дан, Шау-дан (осет. *Сау-дон* — черная река), *Гар-дан* (осет. *Гар-дон* — теплая река), *Шак-дан*; осетинское название для ущелья *ком* повторяется у них в виде *кам* (Шау-кам, Асиа-кам, Фаза-кам и др.); гроты в скалах называются у них *дор-бун* (осет. *дор* — камень, *бун* — под); перевалы носят название *вчик*, *фчак* (осет. афцаг), например: *Шау-фчик* (черный перевал), *Джуар-фчик* (Крестовый перевал)» (Миллер, 2006: 85);

2) сванские лексические элементы: *Бечо аууш* ‘горный перевал Бечо’ (сванское; далее — сван. Бечо ‘плечо’ (Хапаев, 2013: 130); гора *Геран* (сван. *геран* ‘кислый’) и др.

На наш взгляд, следует также обратить внимание на топонимы, происхождение которых неясно. С. А. Хапаев со ссылкой на М. А. Хабичева предполагает возможность образования номинаций *Башиль ауу* ‘башильское ущелье’, *Башиль тар* ‘башильская теснина’ и др. от древнейшего этнонима *башил*, *басил*. Кроме того, он приводит и мнение М. М. Мизиева о том, что «башил означает название одного из племен хазар — басил (варианты: баса, баслы, барсула, барсилы)» (там же: 125). К топонимам с этнонимом хазар С. А. Хапаев относит и *Гацар-Къала* «средневековое городище в Баксанском ущелье» (там же: 150). Он также допускает, что топоним Ликергили образован «от этнонима лакор, группы волжских племён, явившихся предками закамских татар; к этому термину прибавилось общетюркское слово *эль/иль*, таким образом сложился термин «село Лакор» или «племя Лакор», звучащее на кар.-балк. языке как *Лыкар-эль*» (там же: 272).

В словаре Дж. Н. Кокова, С. О. Шахмурзаева представлены две номинации *Ликерилги* ‘луга по п. б. Чегема’ и *Ликаргъы* ‘пастбище по л. б. Чегема’, без этимологии². Б. Х. Мусукаев приводит Ликерилги в группе названий, «этимология которых окончательно еще не установлена» (Мусукаев, 1981: 41–42), но имеющих однотипные форманты -гъы, -ги, -гъу, -гу, -гю, -хы. Однако он придерживается мнения В. Д. Беленькой о том, что «морфологическая структура топонимов также непосредственно связана с той или иной культурно-исторической эпохой и часто указывает на время и условия возникновения того или иного географического названия» (Мусукаев, 1981: 41–42).

¹ История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: в 3 т. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Т. 1. С. 279.

² Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970. С. 94–95.

Межэтнические контакты были обусловлены различными факторами: 1) трудовой миграцией, о чем пишет и Л. И. Лавров, в частности, он отмечает, что рачинцы и сваны в связи с малоземельем в некоторых горных местностях уходили на постоянную или сезонную работу в Карачай, Балкарию, Осетию, поэтому знали балкарский, карачаевский, осетинский языки (Лавров, 1969: 43); 2) торговыми контактами; 3) смешанными браками, что способствовало развитию не только экономических, но и культурных связей.

Заключение

Таким образом, проанализированный эмпирический материал позволил рассмотреть этнокультурную информацию номинирования географических объектов в карачаево-балкарском языке, важную для понимания специфики восприятия этническим коллективом окружающей действительности, проследить ассоциативные связи с историческими событиями, межэтническими контактами, социально-бытовой жизнью народа. Особого внимания заслуживают топонимы, в которых сохранились представления о религиозных феноменах, изменявшимся, подвергавшимся трансформации в соответствии с развитием нового вектора в мировоззрении этноса.

В целом рассмотренный корпус единиц можно позиционировать как этнокультурный фрагмент топонимической картины мира карачаево-балкарского языка, обусловленный различными экстралингвистическими (историко-социальными, общественно-культурными, религиозными) факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаматов, К. Г., Хутуев, Х. И. (1980) Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик : Эльбрус. 130 с.
- Батчаев, В. М. (2006) Балкария в XV — начале XIX вв. М. : ТАС-ИЗДАТ. 239 с.
- Битова, Е. Г. (2005) Между христианством и исламом: религиозный аспект российской административной политики на Северном Кавказе в XIX веке (балкарские общества) // Научная мысль Кавказа. №. 1(41). С. 65–75.
- Джуртубаев, М. Ч. (1997) Душа Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 225 с.
- Карачаевцы. Балкарцы (2014) / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х. А. Сабанчиев. М. : Наука. 814 с.
- Коков, Дж. Н., Шахмурзаев, С. О. (1970) Предисловие // Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик : Эльбрус. 171 с. С. 3–17.
- Корнева, В. В. (2016) Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 150–154.
- Лавров, Л. И. (1968) Комментарии // Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском, турецком языках / издание текстов, перев., комм., статья и прилож. Л. И. Лаврова : в 2 ч.; отв. ред. О. Г. Большаков, В. К. Гарданов. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. 242 с. С. 118–178.
- Лавров, Л. И. (1969) Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. В. К. Гарданов. М. : Наука. Вып. IV. 253 с. С. 70–187.
- Малкондуев, Х. Х. (2015) Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик : ООО «Печатный двор». 312 с.
- Миллер, В. Ф. (2006) Терская область. Археологические экскурсии (извлечение) // Балкария: страницы прошлого. Вып. 3. / сост. Е. Тютюнина. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т). 128 с. С. 82–105.
- Мурзаев, Э., Мурзаев, В. (1959) Словарь местных географических терминов. М. : Государственное издательство географической литературы. 301 с.
- Мусукаев, Б. Х. (1981) Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 167 с.
- Мусукаев, Б. Х. (2007) Очерки балкарской ономастики. Нальчик : Изд-во КБНЦ РАН. 171 с.
- Сувандии, Н. Д. (2019) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>
- Сувандии, Н. Д. (2024) Святые топонимы Тувы: лексико-семантические группы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 191–202. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>
- Хабичев, М. А. (1982) К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик : Эльбрус. 134 с.

Хаджиева, Т. М. (2017) Тенгрианство в карачаево-балкарской «нартаде» // Вестник КИГИ РАН. № 10 (5). С. 231-236.

Хапаев, С. А. (2013) Географические названия Карачая и Балкарии. М. : КосмоПолиграф. 576 с.

Дата поступления: 05.02.2025 г.

Дата принятия: 01.04.2025 г.

REFERENCES

- Azamatov, K. G., Khutuev, Kh. I. (1980) *Misost Abaev socio-political views*. Nalchik, Elbrus. 130 p. (In Russ.)
- Batchaev, V. M. (2006) *Balkaria in the 15th — early 19th centuries*. Moscow, TAS-IZDAT. 239 p. (In Russ.)
- Bitova, E. G. (2005) Between Christianity and Islam: the religious aspect of the Russian administrative policy in the North Caucasus in the 19th century (Balkar societies). *Nauchnaya Mysl' Kavkaza*, no. 1(41), pp. 65–75. (In Russ.)
- Dzhurtubaev, M. Ch. (1997) *The soul of Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 225 p. (In Russ.)
- Karachays Balkars* (2014) / eds. Karaketov M. D., Sabanchiev Kh. A. Moscow, Nauka. 814 p. (In Russ.)
- Kokov, Dzh. N., Shakhmurzaev, S. O. (1970) Preface. In: Kokov Dzh. N., Shakhmurzaev S. O. *Balkar toponymic dictionary*. Nalchik, Elbrus. 171 p. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Korneva, V. V. (2016) Toponymic research in a new scientific paradigm. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 150–154. (In Russ.)
- Lavrov, L. I. (1968) Commentaries. In: *Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic Persian and Turkish*. Texts publication, translation, commentaries, introduction and appendix by Lavrov L. I.; eds. Bol'shakov O. G., Gardanov V. K. Moscow, Nauka, Main Editorial Office of Oriental Literature. Part 2. Inscriptions of the 18th — 20th centuries. 242 p. Pp. 118–178. (In Russ.)
- Lavrov, L. I. (1969) Karachay and Balkaria before the 1830s. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*. Ed. by V. K. Gardanov. Moscow, Nauka. Vol. 4. 253 p. Pp. 70–187. (In Russ.)
- Malkonduev, Kh. Kh. (2015) *Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people (late 14th–18th centuries)*. Nalchik, OOO Pechatnyi dvor. 312 p. (In Russ.)
- Miller, V. F. (2006) Terek region Archaeological excursions (excerpt). In: *Balkaria: Pages of the Past*. Issue 3 / comp. by Tyutyunina E. Nalchik, M. and V. Kotlyarovykh Publishing House (Poligrafservis i T). 128 p. Pp. 82–105. (In Russ.)
- Murzaev, E., Murzaev, V. (1959) *Dictionary of local geographical terms*. Moscow, State Publishing House of Geographical Literature. 301 p. (In Russ.)
- Musukaev, B. Kh. (1981) *Toponymy of the highlands of Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 167 p. (In Russ.)
- Musukaev, B. Kh. (2007) *Essays on Balkar onomastics*. Nalchik, Publishing House of KBNTS RAN. 171 p. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2019) Color-designating toponyms in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>
- Suvandii, N. D. (2024) Sacred toponyms of Tuva: lexico-semantic groups. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 191–202. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.11>
- Khabichev, M. A. (1982) *On the hydronymy of Karachay and Balkaria*. Nalchik, Elbrus. 134 p. (In Russ.)
- Khadzhieva, T. M. (2017) Tengrianism in the Karachay-Balkar “nartade”. *Bulletin of the KIH of the RAS*, no. 10 (5), pp. 231–236. (In Russ.)
- Khapaev, S. A. (2013) *Geographical names of Karachay and Balkaria*. Moscow, KosmoPoligraf. 576 p. (In Russ.)

Submission date: 05.02.2025.

Acceptance date: 01.04.2025.